

Искэндэр Ясавеев

Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи¹

doi:10.17323/978-5-7598-2128-1_162-177

О том, что молодежь находится в фокусе внимания российских властей, свидетельствуют специальные государственные программы, молодежные форумы, встречи и другие мероприятия, в том числе с участием Президента России. Такое внимание имеет, скорее всего, прагматический характер, связанный с тем, что участниками революций в Грузии и Украине и протестных акций в России в 2011–2012 гг. были в основном молодые люди. Российские власти обеспокоены потенциалом протестных действий молодежи и пытаются нейтрализовать его посредством политики.

Хронологические рамки нашего исследования — с мая 2012-го по май 2016 г. — определялись третьим президентским сроком Владимира Путина. Протестные акции в России конца 2011 — начала 2012 г. и события в Украине, включая присоединение Крыма, привели к изменению «повестки дня» властей, переопределению рисков и соответствующим изменениям во внутренней политике. Молодежной проблематике посвящен ряд выступлений Владимира Путина, Правительством России утверждены «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года», определены основные направления деятельности Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), само агентство с 2015 г. выпускает ежегодные доклады о положении молодежи в России и реализации государственной молодежной политики. В конце 2015 г. Правительством России утверждена очередная пятилетняя програм-

ма «патриотического воспитания граждан Российской Федерации» на 2016–2020 гг., ориентированная прежде всего на молодежь.

Измерения риторики: идиомы и лейтмотивы

Настоящая работа выполнена в рамках конструкционистского подхода к социальным проблемам, сосредоточенного на проблематизирующей и депроблематизирующей риторике, в результате которой некая предполагаемая ситуация наделяется статусом социальной проблемы или лишается его [Spector, Kitsuse, 1977; Schneider, 1985; Best, 1995; Holstein, Miller, 2003; Loseke, 2003; Holstein, Gubrium, 2008; Ясавеев, 2007; Полач, 2010]. Социальные проблемы с этой точки зрения — выдвигание требований изменить ситуацию. Строгий конструкционистский анализ фокусируется исключительно на риторике, отказываясь от каких-либо предположений о характере, масштабе, последствиях и даже о самом существовании ситуаций, в отношении которых разворачивается риторика. Конструкционизм позволяет выявлять цели, формы и стратегии конструирования социальных проблем и депроблематизации ситуаций, риторические ходы, которые используют участники, обосновывающие необходимость каких-либо действий или отказ от них.

Конструкционистские рамки исследования означают, что мы не выдвигаем предположений о том, соответствует ли риторика властей «реальности» и предпринимаемым ими действиям. Строгие конструкционисты отказываются от утверждений относительно самих ситуаций, применительно к которым разворачивается проблематизирующая или депроблематизирующая риторика. Такого рода утверждения сами по себе являются формой конструирования социальных проблем или «непроблем», т.е. неявно переводят социолога из позиции аналитика в позицию участника.

Теоретическим основанием работы является исследовательская программа П. Ибарры и Дж. Китсьюза [Ибарра, Китсьюз, 2007], высвечивающая четыре измерения конструирования социальных проблем: 1) риторические идиомы — дефиниционные комплексы, посредством которых вырабатывается проблематичный статус ситуаций; 2) лейтмотивы — фигуры речи, выражающие главный аспект социаль-

¹ Текст впервые опубликован в журнале «Социологическое обозрение»: Ясавеев И.Г. Лейтмотивы властной риторики в отношении российской молодежи // Социологическое обозрение. 2016. Т. 15. № 3. С. 49–67. Перепечатка с разрешения редакции журнала.

ной проблемы или ее динамику; 3) стили конструирования проблем: научный, комический, театральный, гражданский, правовой или субкультурный; 4) контрриторика — дискурсивные стратегии противодействия конструированию проблемы. Наше исследование сосредоточено на идиомах и лейтмотивах властной риторики в отношении молодежи.

Ибарра и Китсьюз указывают, что одна из задач социального конструкционизма состоит в объяснении применения риторических идиом — способов проблематизации ситуаций. Риторические идиомы обеспечивают участников дискурсивными материалами, позволяющими структурировать и придавать безотлагательный характер их требованиям [Ибарра, Китсьюз, 2007, с. 73]. Каждая риторическая идиома предполагает или задействует группу образов и обладает соответствующим словарем. Конструкционисты описывают такие идиомы, как риторика утраты, риторика наделения правом, риторика опасности, риторика неразумности и риторика бедствия.

Ключевыми для риторики утраты являются термины «красота», «природа», «наследие», «культура», «загрязнение», «упадок», «защита». Словарь риторики наделения правом состоит из таких терминов, как «нетерпимость», «угнетение», «сексизм», «расизм», «дискриминация по возрасту», «жизненный стиль», «различия», «выбор», «терпимость», «предоставление возможностей», «мультикультурный» и др. Риторика опасности включает слова «болезнь», «патология», «эпидемия», «риск», «заражение», «угроза здоровью», «профилактика». При проблематизации эксплуатации, манипулирования, «промывания мозгов» обычно используется риторика неразумности с ключевыми терминами «наивность», «доверчивость», «необразованность», «уязвимость», «легкая добыча». Как отмечают Ибарра и Китсьюз, риторика неразумности задействует образы манипуляции и заговора. В свою очередь, риторика бедствия состоит из метафор и практик аргументации, актуализирующих образ полной катастрофы [Там же, с. 74–84].

Помимо специфического словаря, характерного для той или иной идиомы, существует общий кросс-идиоматический словарь, используемый при конструировании проблемы или депроблематизации ситуации. Это измерение конструирования социальных проблем обо-

значается в виде лейтмотивов. Примерами лейтмотивов являются «чума XXI века», «кризис», «трагедия», «бомба с заведенным часовым механизмом», «угроза», «верхушка айсберга» [Там же, с. 93–94].

Исследование, основанное на понятии лейтмотивов, отмечают Ибарра и Китсьюз, позволяет сосредоточиться на том, каким образом развиваются и обретают «точную настройку» термины дискурса социальных проблем и как определяется их символический подтекст. «Эти факторы в большей степени касаются политики, эпистемики и поэтики описания, т.е. артикуляции, нежели “онтологии описываемого”» [Там же, с. 96]. Изучение лейтмотивов, по мнению конструкционистов, дает возможность понять действия участников, когда они выдвигают требования или противодействуют им.

Исследовательская программа Ибарры и Китсьюза использовалась при анализе таких проблем, как стокгольмский синдром, этна-назия, гламур, насилие в полиции, потребление наркотиков [Adorjan et al., 2012; Богомягкова, 2010; Ним, 2010; Кольцова, Ясавеев, 2013; Ясавеев, 2016].

Риторика властей, в частности Владимира Путина в течение его первого срока президентства, изучалась М. Горхэмом [Gorham, 2005], который выделил ряд лингвистических профилей этого российского президента: «технократ», «деловой», «силовик», «мужик» и «патриот», отмечая также возможность возникновения нового речевого жанра молчания. Можно предположить, что в отношении молодежи со стороны Путина задействуется профиль «патриота».

Риторика патриотического воспитания молодежи исследовалась Еленой Омельченко, указавшей на характерные для этой риторики заимствования из советского/позднесоветского подхода, а именно объективацию и унификацию молодежи как группы, которая нуждается в контроле, регулировании и моральном исправлении [Омельченко, 2012, с. 275]. Значимые выводы о «спуске» ценностей традиции и конформизма на уровень российских учебников для старшеклас-ников, прежде всего учебников истории и обществознания, и использовании в них образа государства-защитника получены Лидией Окольской в ее исследовании ценностного содержания российской программы среднего образования [Окольская, 2012].

В рамках нашего исследования в качестве участников процессов конструирования проблем и депроблематизации ситуаций рассматриваются представители исполнительной власти в России. Нами сформулированы следующие вопросы, касающиеся властной риторики в отношении молодежи: каким образом типизируется молодежь; какие риторические ходы используются властями; что проблематизируется, а что остается за рамками проблематизации; что обозначается как вызовы, риски и угрозы и предлагается в качестве ответов на эти угрозы и вызовы; каковы лейтмотивы властного «молодежного» дискурса, какие риторические идиомы используются при этом российскими властями, какие образы задействуются данными лейтмотивами?

Были проанализированы тексты выступлений Владимира Путина в течение его третьего президентского срока, отобранные по наличию ключевых слов «молодежь», «молодежный», «молодые»; стенографические отчеты заседаний советов при Президенте России, касавшихся молодежи; государственные программы, доклады и отчеты Правительства России и Федерального агентства по делам молодежи (Росмолодежь), которые размещены на официальных сайтах².

К лейтмотивам властной риторики мы относили регулярно встречающиеся конструкции, используемые в одном контексте с темами, касающимися молодежи, сопоставляя эти конструкции со словарями риторических идиом, разработанными Ибаррой и Китсьюзом, и пытаясь определить таким образом ключевые аспекты создаваемых властями смыслов в отношении молодежи. Основным критерием выделения лейтмотивов служила их повторяемость. В ходе анализа выявлялись также устойчивые связки лейтмотивов, такие, например, как «защита» и «традиционные ценности».

«Проблемный фактор», трудные жизненные ситуации и неконструируемые проблемы

Важный аспект риторики в отношении молодежи — проблематизация тех или иных явлений. В данном случае важно выяснить, какие

² <kremlin.ru>, <government.ru>, <fadm.gov.ru>.

феномены определяются властными структурами в качестве проблем. В одном из ключевых документов, утвержденных правительством в 2014 г., — «Основах государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» — наряду с размытыми формулировками³ встречаются прямые указания на «проблемный фактор». Это понятие используется в единственном числе, причем проблематизируется не положение молодежи, ее жизненные шансы, а «воздействие» на нее: «Проблемным фактором является деструктивное информационное воздействие на молодежь, следствием которого в условиях социального расслоения, как показывает опыт других стран, могут стать повышенная агрессивность в молодежной среде, национальная и религиозная нетерпимость, а также социальное напряжение в обществе» [Правительство РФ, 2014]. Не обозначаются субъекты, т.е. не конкретизируется, кто воздействует и каким образом.

Конструирование проблемы «воздействия» сопровождается репрезентацией «успешных зарубежных практик». Очевидно, что выбор практик, которые определяются как заслуживающие внимания, свидетельствует о предпочитаемых действиях. В правительственных документах акцент делается, в частности, на «японском» опыте «ограничения доступа молодежи к небезопасным и нежелательным интернет-сайтам» [Росмолодежь, 2015a].

В ежегодном докладе Росмолодежи используется понятие трудной жизненной ситуации, определяемой как «ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность человека, которую он не может преодолеть самостоятельно». К таким ситуациям Федеральное агентство относит следующие. Во-первых, положение молодых людей, оказавшихся в местах заключения или вышедших из них. Во-вторых, потребление наркотиков: «Согласно данным ООН, процент российского населения, вовлеченного в злоупотребление опиатами, в 5–8 раз превышает показатель стран ЕС. Ежегодно в России появля-

³ Примером может быть следующее предложение: «Существует тенденция нарастания негативного влияния целого ряда внутренних и внешних факторов, повышающих риски роста угроз ценностного, общественного и социально-экономического характера» [Правительство РФ, 2014].

ется не менее 80 тыс. новых наркоманов» [Росмолодежь, 2015a]. В-третьих, участие в группах и движениях «антиобщественного и экстремистского характера». В-четвертых, совершение различного рода правонарушений.

Все обозначенные «трудные жизненные ситуации» связаны исключительно с нарушением норм. Кроме того, Федеральное агентство по делам молодежи использует в отношении потребления наркотиков ту же стратегию конструирования широко распространенной проблемы, что и Федеральная служба по контролю за оборотом наркотиков [Ясавеев, 2016, с. 13], включаясь, таким образом, в «войну с наркотиками».

Не менее значим, на наш взгляд, вопрос о том, что не проблематизируется во властном дискурсе в отношении молодежи. Анализ «неконструируемых проблем» и понимание того, почему ряд ситуаций не определяется в качестве социальных проблем, предлагается некоторыми исследователями в качестве одного из возможных направлений развития конструкционизма [Бест, 2007, с. 49–50]. Существует множество вопросов, касающихся молодежи, которые могли бы проблематизироваться, но отсутствуют во властной «повестке дня». Возможность такой проблематизации связана с наличием экспертных, медийных и статистических конструкций ситуаций. Например, в рассмотренных правительственных документах, выступлениях Президента России, в программах и докладах Росмолодежи и региональных программах молодежной политики нет каких-либо утверждений и даже упоминаний о распространении ВИЧ/СПИДа. Между тем, согласно статистическим данным, зарегистрированное в России число случаев ВИЧ превышает миллион, а распространенность ВИЧ в возрастной группе 25–29 лет составляет более 1% [ФЦ СПИД, 2015].

Внешняя угроза и милитаризация риторики

Одним из лейтмотивов властного дискурса является *внешняя угроза*. Он представлен такими конструкциями, как «борьба за умы», «манипуляция сознанием», «навязывание норм и ценностей», «провоцирование конфликтов», «информационное противоборство», «срежисси-

рованная пропагандистская атака», «геополитическое соперничество». При этом, как и в случае с проблематизацией «информационного воздействия», субъект внешней угрозы в официальной риторике не конкретизируется.

«Как показывает в том числе и наш собственный исторический опыт, культурное самосознание, духовные, нравственные ценности, ценностные коды — это сфера жесткой конкуренции, порой объект открытого информационного противоборства, не хочется говорить агрессии, но противоборства — это точно, и уж точно хорошо срежиссированной пропагандистской атаки. И это никакие не фобии, ничего я здесь не придумываю, так оно и есть на самом деле. Это как минимум одна из форм конкурентной борьбы. Попытки влиять на мировоззрение целых народов, стремление подчинить их своей воле, навязать свою систему ценностей и понятий — это абсолютная реальность, так же как борьба за минеральные ресурсы, с которой сталкиваются многие страны, в том числе и наша страна» [Путин, 2012].

В одном контексте с лейтмотивом внешней угрозы используется лейтмотив *защиты*. С одной стороны, молодежь понимается как объект защиты от различного рода «внешних» воздействий в связи с ее уязвимостью, а с другой — на нее возлагаются надежды по защите страны. Официальная риторика эти варианты определения объекта защиты, как правило, сочетает. Наряду с необходимостью защиты молодежи подчеркиваются приоритеты «защиты страны», «защиты интересов Отечества», «обеспечения суверенитета родной державы», «сильной и независимой Российской Федерации».

«В мире, к сожалению, — собственно говоря, так было практически всегда — идет жесткая борьба за умы, за идеологическое и информационное влияние. С целью ослабить те или другие страны, создать для себя более выгодные конкурентные преимущества и в политике, и в экономике искусственно провоцируются конфликты, так или иначе связанные с национальными проблемами. Нам нужна постоянная, системная работа, которая защитила бы страну, нашу молодежь от этих рисков, служила укреплению гражданской солидарности и межнационального согласия» [Путин, 2014a].

Необходимость подготовки молодых людей, готовых защищать страну, сформулирована в качестве одного из приоритетов государственной молодежной политики [Правительство РФ, 2014]. Это же акцентируется в официальной Стратегии развития воспитания в России на период до 2025 года, ориентированной на детей: «Приоритетной задачей Российской Федерации в сфере воспитания детей является развитие высоконравственной личности, разделяющей российские традиционные духовные ценности, обладающей актуальными знаниями и умениями, способной реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовой к мирному созиданию и защите Родины» [Правительство РФ, 2015б].

Идея защиты доминирует в государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» [Правительство РФ, 2015а]. Ее сравнение с предыдущими пятилетними программами позволяет сделать вывод о *милитаризации* патриотизма в его интерпретации властями.

Один из основных предполагаемых результатов программы 2016–2020 гг. сформулирован следующим образом: «Обеспечение формирования у молодежи моральной, психологической и физической готовности к защите Отечества, верности конституционному и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, высокой гражданской ответственности». Выражение «в условиях мирного и военного времени», дважды встречающееся в программе, использовано в описаниях патриотического воспитания впервые.

В отличие от предыдущих пятилетних программ (см.: [Омельченко, 2012, с. 274–280]), прилагательные «военный» и «воинский» в разных сочетаниях — «военно-патриотический», «военная служба», «военное время» и проч. — используются в концептуальной части программы патриотического воспитания 2016–2020 гг. несколько десятков раз. Предлагается, например, такое новшество, как «развитие практики шефства воинских частей над образовательными организациями». Характерно, что в предыдущих программах предусматривалось лишь «шефство» над воинскими частями, речь в них шла об «участии учреждений культуры, общественных организаций (объединений), представителей творческой интеллигенции в военно-шефской работе, направленной на приобщение военнослужащих

к богатствам российской и мировой культуры» [Правительство РФ, 2005].

В программе патриотического воспитания 2016–2020 гг. появляется новое направление — развитие волонтерского движения, но вместе с тем отсутствует внимание к трудовой деятельности. Слова «труд» и «трудоустройство» используются лишь несколько раз — в конструкциях «готов к труду и обороне» и «шефство трудовых коллективов над воинскими частями». В отличие от действующей программы, в предыдущих программах патриотического воспитания говорилось о сохранении и развитии «славных боевых и трудовых традиций» [Правительство РФ, 2001], привлечении трудовых коллективов к участию в патриотическом воспитании [Правительство РФ, 2005], «возрастании социальной и трудовой активности граждан, особенно молодежи», «развитии системы патриотического воспитания в трудовых коллективах» [Правительство РФ, 2010]. Иными словами, из программы патриотического воспитания исключена сфера труда, а патриотизм понимается как ориентированный преимущественно на военную службу.

Если исходить из того, что смыслы и контексты, приписываемые патриотизму, могут быть деконструированы через те качества молодежи, на усиление которых ориентирована система патриотического воспитания [Омельченко, 2012, с. 275], то можно утверждать, что значение патриотизма сдвигается властями от «любви к Отечеству» к готовности защищать государство военными средствами от внешних и внутренних врагов. При этом российской властной риторике свойственно представление патриотизма как естественной универсальной черты российской молодежи: «уверен, что в одном мы все едины, мы все — патриоты России» [Путин, 2013б].

В течение своего третьего президентского срока Владимир Путин несколько раз называл патриотизм национальной идеей: «У нас нет никакой и не может быть никакой другой объединяющей идеи, кроме патриотизма» [Путин, 2016]. Между тем на вопросы о национальной идее в России в первой половине 2000-х годов он отвечал по-другому: «Самая главная идея — обеспечение темпов роста экономики. От этого зависит будущее страны в прямом смысле этого слова. Обеспечение конкурентоспособности страны во всех сферах, во всех об-

ластях» [Путин, 2003]. Таким образом, милитаризация патриотизма сопровождается представлением его в качестве национальной идеи и отказом в этом статусе идее конкурентоспособности страны.

Бессодержательный традиционализм

Наряду с милитаризацией риторики, использованием лейтмотивов угрозы и защиты еще одной чертой современного властного дискурса в отношении молодежи является лейтмотив *«традиционные ценности»*, что позволяет утверждать следующее: ключевой чертой риторической реакции властей на «угрозы» является традиционализм.

Власти констатируют столкновение российского общества «с глобальными тенденциями и вызовами». Одним из существенных вызовов называется конфликт традиционных и современных ценностей, при этом выбор немедленно, без какого-либо обоснования делается в пользу первых:

«В социокультурной сфере существенным вызовом является столкновение традиционных и современных ценностей, что усиливает необходимость сохранения значимости основ российской культуры, знания и уважения к истории, духовным ценностям многонационального народа России, уникального опыта ответственности российских граждан за свою страну, ее будущее и будущее всего мира. В информационной сфере тревожная тенденция проявляется в нарастании угроз манипуляции массовым сознанием, навязывании знаний и представлений, норм и ценностей, чуждых российскому менталитету. Важнейшим условием противодействия этим угрозам является формирование у российской молодежи подлинных духовно-нравственных ориентиров на основе тысячелетней российской культуры и традиций» [Росмолодежь, 2015а].

Формирование у молодежи «традиционных семейных ценностей» обозначено в качестве одного из основных направлений деятельности Федерального агентства по делам молодежи [Росмолодежь, 2015б]. При этом указывается на необходимость внедрения системного подхода для «укрепления традиционных ценностных основ российского общества» [Росмолодежь, 2015в].

Опираясь на «традиционную для России систему ценностей» при воспитании детей призывают и «Основы государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года». Одна из государственных задач формулируется следующим образом: «Формирование образа благополучной молодой российской семьи, живущей в зарегистрированном браке, ориентированной на рождение и воспитание нескольких детей, занимающейся их воспитанием и развитием на основе традиционной для России системы ценностей» [Правительство РФ, 2014].

Традиционализм в сочетании с лейтмотивами угрозы и защиты задан Владимиром Путиным, который использовал выражение «традиционные ценности» в одном и том же контексте несколько десятков раз за последние четыре года:

«Ганди сказал в свое время: “Я не желаю, чтобы мой дом был обнесен высокой стеной и чтобы мои окна были наглухо заколочены. Я хочу, чтобы волна культуры всех стран свободно проникала в мой дом, но я не желаю, чтобы она захлестнула и сбила меня с ног”. Именно такой и должна быть государственная культурная политика нашей страны, приветствующая всё свежее, новое, здоровое и талантливое, но при этом твердо стоящая на страже тех ценностей и основ, на которых испокон веков зиждется Россия» [Путин, 2013в].

«Сегодня во многих странах пересматриваются нормы морали и нравственности, стираются национальные традиции и различия наций и культур. От общества теперь требуют не только здравого признания права каждого на свободу совести, политических взглядов и частной жизни, но и обязательного признания равноценности, как это не покажется странным, добра и зла, противоположных по смыслу понятий. Подобное разрушение традиционных ценностей “сверху” не только ведет за собой негативные последствия для обществ, но и в корне антидемократично, поскольку проводится в жизнь исходя из абстрактных, отвлеченных идей, вопреки воле народного большинства, которое не принимает происходящей перемены и предлагаемой ревизии. И мы знаем, что в мире все больше людей, поддерживающих нашу позицию по защите традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной

семьи, подлинной человеческой жизни, в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира» [Путин, 2013г].

«Здоровая семья и здоровая нация, переданные нам предками традиционные ценности в сочетании с устремленностью в будущее, стабильность как условие развития и прогресса, уважение к другим народам и государствам при гарантированном обеспечении безопасности России и отстаивание ее законных интересов — вот наши приоритеты» [Путин, 2014б].

«...Национальные интересы, свою историю, традиции, наши ценности нужно защищать» [Путин, 2015в].

Однако в выступлениях президента, стратегиях и государственных программах не уточняется, какие традиции имеются в виду. Не уточняется и то, в чем заключается «российский менталитет» или «особенности ментальности народа России». Что означают «подлинные духовно-нравственные ориентиры на основе тысячелетней российской культуры и традиций»?

История российских культур включает множество различных традиций, в том числе традиции иерархичности, репрессивности, насилия, смертной казни, гендерного неравенства, потребления алкоголя. Если традиции, лежащие в основании «духовно-нравственных ориентиров», не определяются, то возникает возможность отнесения к ним, в частности, традиций подчинения жен мужьям и телесных наказаний по отношению к детям⁴.

На вопрос о том, на основе каких традиций президент, правительство и Росмолодежь призывают строить семью и «воспитывать» детей и молодежь, ответа во властной риторике нет.

⁴ См., например: «Казни сына своего от юности его и покоит ты на старость твою и даст красоту души твоей и не ослабляи бия младенца, аще бо жезлом биеши его не умрет но здравие будет ты бо бия его по телу, а душу его избавляеши от смерти» (Домострой. СПб.: Наука, 1994. С. 96). «Подобает поучити мужем жен своих, с любовью и благоразсудным наказанием, жены мужей своих вопрошают о всяком благочинии како душа спасти Богу, и мужу угодити, и дом свои добре строити и во всем ему покажутся, и что муж накажет то с любовью приимати и творити по его наказанию» (Там же. С. 104).

В течение изучаемого периода Президент России неоднократно использовал конструкцию «истинные ценности» («настоящие ценности», «подлинные ценности»), которые «необходимо защищать». Например, в 2013 г. он заявил, что настоящими, истинными ценностями после распада СССР «могли быть только ценности религиозного характера» [Путин, 2013а]. Наряду с этим использовался и термин «квазиценности»: «Для меня важно защитить наше население от некоторых “квазиценностей”, которые очень сложно воспринимаются нашими гражданами, нашим населением» [Путин, 2013д]. Деление на «истинные ценности» и ложные представляется как нечто самоочевидное, не требующее разъяснений. При этом в свойственном ему речевом стиле «мужика» [Gorham, 2005] Путин противопоставляет «истинную культуру» и «субкультуру»:

«Мне все время хочется сказать не “субкультуры”, а “суп культуры”, суповой набор такой... По поводу проникновения каких-то культурных ценностей к нам из-за границы. Я ничего здесь страшного не вижу, если это истинные культурные ценности. Обмен — это абсолютно нормальный элемент развития. Мы не должны, не можем и не будем замыкаться в каком-то коконе. Но нам нужно научиться отделять истинную культуру от субкультуры, которая не представляет ценности и, наоборот, уводит куда-то в сторону» [Путин, 2015б].

Перечислены «истинные ценности» президентом были лишь однажды — в сентябре 2015 г. на встрече с воспитанниками и педагогами образовательного центра для одаренных детей «Сириус»: «Сейчас жизнь, безусловно, кардинально изменилась, но истинные ценности — они всегда остаются. Это честность, патриотизм, совесть, любовь, доброта, мужество, достоинство, отзывчивость, ответственность и чувство долга» [Путин, 2015а].

Сходный перечень «духовно-нравственных ценностей» встречается в Стратегии развития воспитания в России на период до 2025 года: «Стратегия опирается на систему духовно-нравственных ценностей, сложившихся в процессе культурного развития России, таких как человеколюбие, справедливость, честь, совесть, воля, личное достоинство, вера в добро и стремление к исполнению нравствен-

ного долга перед самим собой, своей семьей и своим Отечеством» [Правительство РФ, 2015б].

Характерно, что среди «истинных ценностей» доминируют ценности ответственности и долга. Вместе с тем в их числе не называется свобода. За рамками обсуждения всякий раз остаются вопросы о том, что служит основанием для объявления одних ценностей истинными, а других — «квазиценностями»? Что дает основания утверждать, что фундаментом перечисляемых «истинных ценностей» являются «тысячелетняя российская культура и традиции»?

Подобным образом конструкции «прогрессивные реформы», «негативные тенденции», «позитивные действия», «созидательное мировоззрение», «культура созидательных межэтнических отношений», «позитивный потенциал молодежных неформальных объединений», используемые в официальной риторике в отношении молодежи, остаются без уточнения, что позитивно, а что негативно, на чем основываются эти оценки, в чем заключаются прогрессивность и созидательность.

Заключение: сочетание лейтмотивов и риторических идиом

Анализ государственных программ, выступлений Президента России, стенограмм заседаний президентских советов и докладов Росмолодежи показывает, что в них сочетаются лейтмотивы угрозы, защиты и традиционных ценностей, которые определяют такие черты властного дискурса, как милитаризация и традиционализм без уточнения содержания традиций. Поскольку лейтмотивы являются кросс-идиоматическим словарем, который может использоваться в рамках различных риторических идиом, соединение лейтмотивов угрозы, защиты и традиционных ценностей позволяет предположить, что российские власти используют в отношении молодежи риторические идиомы *опасности* и *неразумности*. Внешняя угроза, конструируемая официальной риторикой, соответствует образам заговора и манипуляции, центральным для риторики неразумности. Молодежь типизируется как объект защиты в связи с ее уязвимостью и вместе с тем как субъект защиты страны. При этом источник угро-

зы по отношению как к молодежи, так и к стране не конкретизируется, за исключением его внешнего характера.

Несмотря на различный формат властной риторики в отношении молодежи — выступления президента, государственные программы, стратегии и доклады, — постоянно используются одни и те же лейтмотивы. Иными словами, риторика отличается повторяемостью, внутренней согласованностью и отсутствием противоречий.

Анализ властной риторики подтверждает предположение о прагматичном отношении властной элиты к молодежи. Проблематизируется прежде всего предполагаемое внешнее воздействие на молодежь. «Трудными жизненными ситуациями» для нее объявляется ограниченный круг явлений, связанных исключительно с нарушением норм (правонарушения, «экстремизм», потребление наркотиков), а статистические и экспертные конструкции таких проблем, как распространение ВИЧ/СПИДа, ограниченность жизненных шансов, репрессивность уголовной политики, лидерство России по уровню подростковых самоубийств и проч., не влияют на приоритеты молодежной политики.

Властная риторика делает акцент на «традиционных ценностях», способствующих не изменениям, а конформизму и «стабильности», за которыми прочитывается стремление к сохранению властной элитой своих позиций. Эти ценности объявляются «истинными» и противопоставляются «квазиценностям» без прояснения оснований такого деления. Об этом же свидетельствует изменение конструкции «национальная идея» — от конкурентоспособности страны во всех сферах к патриотизму, понимаемому как готовность защищать государство военными средствами от внешних и внутренних врагов.

На наш взгляд, результаты исследования свидетельствуют, что властная риторика в значительной степени является дискурсом проблематизации и депроблематизации, осуществляемых в интересах самих властей. При этом для конструкционистов риторика властей не имеет привилегированного статуса. Это не более чем риторика одних из многочисленных участников «языковых игр в социальные проблемы».